

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности.....	7
Введение.....	11

Часть I

ИСТОКИ СУБКУЛЬТУРЫ ТРОЛЛЕЙ, 2003–2007 гг.....	31
1. Определяем термины: происхождение и эволюция субкультуры троллей.....	33
2. Единственная причина что-то делать: лулзы, игра и маска тролля	51
3. Отработка метода (и методологии)	67

Часть II

«ЗОЛОТЫЕ ГОДЫ», 2008–2011 гг.	83
4. Дом, который построил Fox: Анонимус, сцена и циклы усиления.....	87
5. Лулзы на трагедии: фейсбучные тролли, памятные страницы и медиабизнес на катастрофах.....	115
6. Раса и No-Spin Zone: тонкая грань между троллями и экспертами с ТВ	151
7. Члены, члены повсюду: культурная логика троллинга.....	179

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Часть III

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД, 2012–2015 гг.....	209
8. Лулзы умерли, да здравствуют лулзы: из субкультуры в мейнстрим	213
9. Куда мы пойдем дальше? Как важно задумываться.....	235
Примечания.....	259
Библиография.....	299

Посвящается Дж. С.

БЛАГОДАРНОСТИ

С тех пор как я в 2008 г. приступила к работе над этой книгой, меня поддерживают потрясающие люди: друзья, семья, коллеги и наставники. Я безмерно благодарна всем, кто принял участие в проекте, и тем, кто меня поддерживал.

Я особенно призательна своим родителям Деннису и Кэрол Филлипс (первый комплект) и Сэми и Стиву Сальватори (второй комплект) за беззаветную любовь и готовность выслушивать мою нескончаемую болтовню о троллях, лулзах и всем прочем в Интернете, что уже не развидеть. Простите меня за это.

Я бесконечно благодарна Крису Меннингу, Грегу Лойху, Алексу Левитту, Тиму Хвану, Майку Рагнетте, Франку Тобиа, Эрхардту Греффу, Сету Вудворту, Джейми Шерлоку, Кристине Сю, Стивену Брукерту, Джейми Уилкинсону, Дхармиште Руд, Мэтту Морейну, Дону Колдуэллу, Аманде Бреннан, Брэду Киму, дане бойд, Элис Марвик, Трише Ванг, Даниэль Ситрон, Келли Бергстрём, Ли Кнуттиле, Люку Симко, Джиашан Ву, Сэму Форду, Молли Саутер, Джесике Бейер, Бренту Нэшу, Эрику Марковсу, Клинту Спрингеру, Остину Сонгу, Джошу Суемото, Натали Моррис, Жэтти, Брайану Псирапулосу, Лорен Братславски, Джону Фенну, Даниэлю Войчику, Монике Стивенс, Стюарту Гейгеру и Кэти О'Коннор за то, что были внимательными читателями, респондентами и чирлидерами на разных стадиях этого исследовательского проекта; Линнике Батлер, Карен Уэйд и Кейт Милтнер за героические усилия

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

по лихорадочному редактированию; группе Габриэллы Коулмэн «Технологические подонки» (Technological Underworlds) в Университете Макгилла за прекрасные, ценные советы по переработке материала; моему диссертационному совету, состоящему из Кэрол Стейбайл, Дэвида Ли, Дуга Блэнди и Лизы Гилман, за поддержку и чрезвычайно дельные замечания; неизвестным рецензентам, через умелые руки которых прошла рукопись; Аманде Форд за разбор накопившейся за долгие годы массы писем и координацию логистики; троллям, принимавшим участие в исследовании, и особенно Паули Сокэшу, Питеру Партивэну, Уилсону Музоне, Совери Раслессу, Фрэнку Бэгадонатсу и Про Фессору; всем участникам «Фольклорной программы» Орегонского университета; всегда готовым помочь сотрудникам факультета английского языка и литературы, среди которых хочется особо отметить признанного административного авторитета, известного простым смертным под именем Майкл Стамм; Максвеллу Шнуреру, заведующему кафедрой коммуникаций Университета Гумбольдта, за потрясающую поддержку при подготовке книги к публикации; и, конечно же, кудесникам из издательства Массачусетского технологического института (MIT Press) – редакторам, художникам-оформителям, маркетологам и юристам, в частности бывшему старшему рецензенту Маргерит Эйвери, бывшему заместителю рецензента Кэти Персонс, редактору отдела рукописей Кэтлин Карузо и оформителю обложек Молли Симанс за проявленные ими энтузиазм и поддержку, а также за то, что помогли найти ответы на все мои 800 000 вопросов.

Так как эта книга знаменует собой завершение учебы по программам бакалавриата и магистратуры, уместно – я бы даже сказала, необходимо – поблагодарить преподавателей и наставников, оказавших наибольшее сильное влияние на меня и мою работу: Джона Пауэлла за то, чтоставил передо мной сложные задачи и обогатил мое понимание научной аргументации; Джонатана Аарона за то, что поощрял меня писать в моем стиле и в корне

изменил мое понимание традиционного эссе; Лизу Гилман за то, что познакомила с методами этнографического исследования, а также побуждала меня к критическому, отточенному подходу к политике троллинга; Генри Дженкинса за веру в меня и щедрую помошь в виде содержательных критических разборов, которые я получала с самого начала проекта и до последних поправок; Биэллу Коулмэн за дружеское отношение, советы и меткие и едкие комментарии и, конечно же, за лулзы. Я выражают самую искреннюю и безмерную благодарность Брюсу Пику за постоянный неадекватный смех и за то, что он стал моим любимым приложением к магистратуре; Шейну Биллингсу за драгоценные воспоминания о PLC и великолепные правки; Тони и Марку Унгер за то, что стали моей семьей, когда я была вдали от дома; Челси Буллок за то, что делала большие глаза (#spoilers); Кэти Нэш за ее фирменные овсяные хлопья; Морен Гу за сохранение бостонского наследия; Патрику Дэвисону как веселому приятелю по Internet.gif и надежному, доброму, готовому прийти на помощь другу (Привет, Мишель! Привет, док!); Кейт Милтнер за чаты у домашнего очага; Карен Уэйд за вечеринки для блогеров (как же я налопалась твоего перевернутого ананасового пирога!); Линнике Батлер за тайные эсэмэски и красивую лампу в виде колеса от телеги; Райану Милнеру за то, что выступал в самых разных ролях, но прежде всего за то, что он друг, соавтор и моя личная Скалли в брюках; Хилари Марони за ее твердость, щедрость и уникальную способность говорить абсолютно нужные вещи в абсолютно нужное время, например, что мы сестры или еще что-нибудь типа «Ну и пу-у-ублика тут»; Каллену Марони за понимание наших семейных шуток, даже неадекватных («Как, блин, давать витамины кролику?»), а также за то, что вносит замечательное разнообразие в нашу жизнь; Дэвиду Филлипсу за то, что научил меня всему, что я знаю, а еще за самый лучший тост за всю историю бракосочетаний («Я встречался с Уитни только раз, в 1986-м, в Майами», — начал он свою речь, хотя рос вместе со мной, никогда не был в Майами и родился

в 1989-м) и моему молодому волку Натану за помошь в изучении лесных троп, побуждение идти только вперед, ускоряя шаг, и одновременно напоминание замедлить шаг и не выходить из игры.

Наконец, хочу сказать спасибо моему жизнестойкому, несравненному, муравьеду души моей, научному консультанту и герою по жизни Кэрол Стейбайл. Клянусь, без тебя не было бы этой книги. Ты была мне поддержкой, защитой и стимулом, благодаря тебе я стала иначе видеть мир и взаимодействовать с ним, а твои бескомпромиссные отзывы и неистовое заступничество стали для меня образцом консультанта, каковым я и хочу стать для своих студентов. Не могу выразить словами, как мне повезло, что довелось работать с тобой, и как благодарна я тебе за дружбу. Вдобавок ко всему, ты испекла мне тот чудный пирог. Ты крута. Спасибо тебе.

ВВЕДЕНИЕ

Истоки проекта

Впервые я столкнулась с троллингом летом 2007-го, после того как мой братец, которому тогда было 18 лет, посоветовал мне посидеть на форчановской /b/-борде* – одном из самых печально известных и оживленных сборищ интернет-троллей. «Ты должна на это взглянуть, – настаивал он. – Тебе понравится!» В конце концов я сдалась (надо же посмотреть, как все запущено) и в один судьбоносный день решила посмотреть, что его так заводит. Я уселась за компьютер, нашла главную страницу «Форчана» и, согласно полученной от брата инструкции, зашла в раздел /b/-Random. Спустя 10 минут прокручивания нескончаемого, казалось, потока безымянных и безликих постов – почти все, что я видела, приписывалось Анонимусу – я была готова выключить компьютер. Выключить, принять душ и забыться сном. Там было столько порнографии и насилия, столько оскорбительных, агрессивных шуточек и просто безумия, что я с трудом все это переваривала. И не могла понять, почему мой брат, умный, рассудительный и дружелюбный мальчик, находит это место таким забавным. Что вообще там происходит? На каком языке они говорят? Наконец, что это за Педобир?

* Имеется в виду борда (board) – доска объявлений в Интернете, древовидный форум, – расположенная по ссылке <https://boards.4chan.org/b/>. – *Прим. пер.*

Как-то вечером я задала брату и некоторым его друзьям, таким же завсегдатаям этого сайта, несколько вопросов. Что собой представляют люди, которые проводят время на /b/? («Тролли и тролли, которые их троллят».) Что вы подразумеваете под «троллем»? («Тролль – это человек, который любит мешать глупым дискуссиям в Интернете. У троллей два главных правила: 1) ничего не принимать всерьез и 2) из всего можно сделать порно».) Троллями становятся или рождаются? («Да.») Чем привлекает троллинг? («Лулзами.») А это еще что такое? («Радость от того, что кого-то разозлил. И единственная причина чем-то заниматься.») И ребята стали вспоминать свои подвиги на ниве троллинга, с удовольствием пересыпая речь непонятными словами, сбивавшими меня с толку на /b/-борде. Помню, я спросила: «А вы тогда кто такие?» – и это привело их в восторг.

Нужно ли говорить, что я была заинтригована? Чувствуя себя растерянной, я стала записывать собственные ответы на эти вопросы. Один небольшой исследовательский проект перерос в другой, тот – в третий, а третий превратился в полноценное этнографическое исследование на материале десятков формальных опросов и тысяч часов включенного наблюдения. В конечном счете я решила написать диссертацию по троллям, что и сделала. В 2012 г. я передала текст диссертации на постоянное хранение в Орегонский университет. Эта книга – дополненная, расширенная и сильно отредактированная версия того первого исследования.

Прежде чем переходить к теоретическим плодам моих трудов, хочу прояснить несколько основных моментов. Прежде всего, когда в своем исследовании я говорю о троллях и троллинговом поведении, я исхожу из определения тролля как человека, который идентифицирует себя с субкультурой троллей. В главе 1 я остановлюсь на этом подробнее, но, принимая во внимание распространенность слова «тролль» в современном Интернете, отмечу с самого начала, что я не буду касаться сетевой агрессии в целом, в частности кибербуллинга или враждебных, разрушительных

онлайновых дискуссий, которые также иногда называют троллингом. О таком поведении (и расплывчатости определений, которое оно порождает) можно многое сказать, но не оно является предметом моего внимания. В этой книге я сосредоточусь на троллях, которые активно и охотно идентифицируют себя как троллей и участвуют в их сложностилизованных культурных практиках.

Стоит упомянуть и географический охват проекта. Хотя солидные популяции троллей населяют Соединенное Королевство, Австралию, Германию и Финляндию (любопытно, что организованный субкультурный троллинг наиболее популярен в Британии и на севере Европы), я решила ограничиться анализом поведения американских троллей (за исключением троллинга на памятных страницах в «Фейсбуке», который, как будет показано, превратился в глобальный феномен). Это не значит, что я считаю американских троллей единственными достойными изучения. Предстоит еще много работы с популяциями троллей за пределами США, особенно в неанглоязычных странах. Но, поскольку в субкультурном смысле троллинг пропитан американской поп-культурой и достиг критической массы на американских форумах, США напрашивались на то, чтобы стать отправной точкой моей работы.

Третий и последний момент, очевидный для любого, кто знаком с этой субкультурой, состоит в том, что троллинг может быть мерзким, отвратительным занятием. Собственно говоря, в этом и весь его смысл — дезорганизовать и вывести из душевного равновесия как можно больше людей, используя любые доступные лингвистические или поведенческие средства. Поскольку эта книга — исследование троллей и их лингвистических и поведенческих приемов, читателя ждет изрядное количество NSFW-контента*, включая ненормативную лексику, постоянные упоминания секса и экскрементов и примеры шокирующего или же опасного поведения.

* NSFW (not safe for work) — «небезопасно для просмотра на работе»; русский вариант: ОСНЭ — «осторожно, сиськи на экране!». — Прим. пер.

Не переходить границы приличий здесь очень трудно. Чтобы исследование было целостным и по сути корректным, приходится цитировать оскорбительный контент (невозможно написать историю троллинга с ограничением для детей школьного возраста), однако мне не хочется некритично воспроизводить расистские, сексистские, гомофобные и прочие примеры эффективного троллинга. Исследователь так называемых медиа прямого участия Райан Милнер высказывает схожие соображения в своей работе, в которой анализирует проявления расизма и мизогинии в мире троллей. «Даже критическое цитирование этих дискурсов, — пишет Милнер, — продлевает их использование и может приводить к восприятию их враждебности и маргинальности как “нормы”»¹. Пытаясь свести такой эффект к минимуму, я решила приводить примеры проблемного языка и поведения лишь в тех случаях, когда это обеспечивает понимание основных моментов в феномене троллинга или иллюстрирует нечто важное. Я понимаю, что даже в таком случае распространяю зачастую весьма отталкивающую информацию, но считаю, что пристальный взгляд на субкультуру троллей в конечном счете позволит лучше узнать и понять не только троллей, но и культурные условия, в которых возникает троллинг.

Дженкем — новый модный наркотик для американских подростков

С учетом всего сказанного выше перехожу к одной из легендарных историй, которая позволит читателям получить представление о юморе троллей. К тому же это классический пример удивительной связи между троллингом в Сети и мейнстримной культурой. Это история про дженкем.

Впервые слово «дженкем» встречается в 1998 г. в статье *New York Times*, описывавшей борьбу властей Замбии с губившим страну СПИДом². Согласно журналистке Сюзанн Дейли, находящиеся

за пределом нищеты и отчаяния беспрizорные дети в Замбии в погоне за дешевым кайфом придумали новый наркотик: они вдыхают испарения забродившей в бутылке смеси мочи и кала, известной под названием «дженкем». Спустя год на *BBC* обратили внимание на историю с «использованием отходов человеческой жизнедеятельности в рекреационных целях» и в качестве доказательства сослались на статью *New York Times*³. В итоге дженкем окончательно оторвался от исходного контекста и начал мелькать на шок-форумах – онлайновых площадках, на которых анонимные или скрывающиеся под псевдонимами участники публиковали самый пакостный контент, какой только можно представить. Часто – как кульминационный момент шутки или довод, который нечем крыть, он настолько гадок, что кладет конец дискуссии (или служит началом – тут уж в зависимости от аудитории). Второе рождение дженкема случилось в 2007 г., когда пользователь Пиквик с форума *Totse* загрузил в Сеть серию фотографий, в которых запротоколировал свою попытку «заторчать от дженкема». На одном из снимков фигурировали стеклянная банка, наполовину наполненная отходами, с этикеткой, на которой было написано «Дженкем», «Пиквик» и *Totse*, и сам Пиквик, по-видимому вдыхающий пары содержимого.

На *Totse* началась оживленная дискуссия, которая в конечном счете добралась до /b/-борды «Форчана» – места, уже известного своими агрессивными анонимными юзерами. Оттуда история и фотографии с *Totse* начали генерировать многочисленные итерации, включая одну копипасту (текст, скопированный и опубликованный много раз). Пользователей просили распечатать предлагавшееся в копипасте письмо и отослать его директору местной школы:

Шаг 1. Шлем по мылу директору школы следующее письмо:

Я пишу анонимно, потому что не хочу, чтобы у моего ребенка были неприятности, но считаю своим долгом предупредить

Вас о том, что ученики Вашей школы занимаются потенциально очень опасным делом. Вчера днем я рано вернулся с работы и застал сына и его друзей принимающими наркотик, который они называют дженкемом. Они узнали о нем в школе. Этот дженкем — самая отвратительная вещь, о которой я только слышал. Они мочатся и испражняются в пластиковые бутылки и оставляют эту смесь для брожения на солнце, а затем вдыхают получившийся газ. Знаю, это звучит фантастически, но, придя домой, я обнаружил моего сына и его друзей лежащими на траве у нас на заднем дворе. Они вели себя очень странно. В воздухе стоял отвратительный гнилостный запах. Поверить не могу, что мой сын мог сделать что-то подобное. Я поискал «дженкем» в Интернете, и, похоже, это что-то изобретенное африканскими детьми и раскрученное в Сети, теперь подростки во всем мире принимают дженкем. Сын говорит, что большинство его школьных друзей пробовали дженкем.

Похоже, это новый наркотик, и я не могу найти никакой информации о последствиях его употребления для здоровья. Полагаю, что метан и аммиак обеспечивают интоксикацию, но это только мои предположения. Метан и аммиак — очень вредные химические соединения. Кроме того, с фекалиями распространяются возбудители всевозможных заболеваний. Представьте, к каким серьезным последствиям для школы это может привести! Мы с женой шокированы и думаем о переводе сына в частную школу. Мы провели с ним беседу, и он обещал больше никогда не пробовать дженкем, но, поскольку информация об этом наркотике есть в Интернете, подростки по всей стране пробуют его. Необходимо рассказать им об угрозе, которую он представляет. Кто-то может умереть от отравления метаном, или может вспыхнуть эпидемия гепатита — это лишь вопрос времени. Я не знаю, что конкретно Вы можете сделать, поскольку

дженкем не запрещен законом, но чувствую себя обязанным проинформировать Вас о том, чем занимаются некоторые из Ваших учеников.

Шаг 2. ???

Шаг 3. ПРОФИТ⁴.

Согласно статье «Дженкем» в Encyclopedia Dramatica, неофициальном вики-архиве троллинга и мемов, эта копипаста появилась на /b/-борде 17 сентября 2007 г.⁵ Неделю спустя управление шерифа округа Коллиер в штате Флорида распространило служебную записку, в которой воспроизвелись фотографии и даже выражения из поста Пиквика на Totse, который впоследствии перепостили на /b/ и в Encyclopedia Dramatica. Стоило Пиквику узнать о таком развитии событий, как он поспешил дистанцироваться от этой истории, удалил свой пост и в недвусмысленных выражениях объявил всю историю розыгрышем – его «дженкем» представлял собой кашицу из муки, воды, пива и «Нутеллы». «Я никогда не вдыхал никакой газ из говна и не ловил от этого кайф, – написал он 24 сентября (согласно публикации *Fox News*). – Я удалил свои фотки, и, надеюсь, ни один кретин не сохранил их у себя на компьютере. Я просто не хочу, чтобы люди думали обо мне как о парне, который нюхал газ из говна»⁶.

Несмотря на признание Пиквика и абсолютное отсутствие свидетельств о распространенном злоупотреблении (да и о единичном тоже) дженкемом в Соединенных Штатах, СМИ ухватились за эту историю. В ноябре 2007 г. флоридская телекомпания Fox 30 (Fox Broadcasting Company) и вещавшая из Форт-Майерс компания WINK (CBS) процитировали в новостных выпусках служебную записку управления шерифа округа Коллиер. Хотя в Fox 30 не смогли найти никого, кто хотя бы что-то слышал о новом наркотике, журналист Джек Миллер призвал родителей с вниманием отнестись

к опасностям, которые нес так называемый наркотик из человеческих экскрементов, или, как его называли подростки, жопный гашиш⁷. Редакция WINK тоже не смогла найти никаких фактических подтверждений употребления дженкема («Человеческие фекалии? – пискнул один из подростков во время интервью. – Ну это же... простите, это же буэ-э-э-э-э»). Несмотря на отсутствие свидетельств, репортер WINK Трей Рейдел заявил, что «история внушает отвращение и потрясла всю редакцию»⁸.

Fox 30 и WINK были не единственными, кто проглотил на живку. В той же статье, где рассказывалось о розыгрыше Пиквика, безымянный автор *Fox News* выразил обеспокоенность по-следствием употребления дженкема для здоровья, доступностью ингредиентов и законностью обладания прекурсорами – ведь, как объяснил сотрудник Управления по борьбе с наркотиками, правительство тут ничего регулировать не может, «потому что это фекалии и моча»⁹. На канале *KXAN News* в Остине, штат Техас, посоветовали родителям обратить внимание, не пахнет ли от их детей чем-то «необычным или неприятным»¹⁰, а Келли Читэм из телекомпании *WSBT* в штате Индиана призывала мам и пап перед сном принюхиваться к дыханию детей, желая им спокойной ночи¹¹. Пользователи *Totse* и «Форчана» были в восторге от такого развития событий, и великий и ужасный дженкем-2007 вошел в пантеон самых удачных пранков всех времен и народов.

Помимо примера характерной для троллей склонности к тошнотворному «телесному юмору», история с дженкемом демонстрирует их умение «на*бать прессу», фактически способность заставить СМИ самим выставить себя идиотами. Тролли достигают этой цели, раздувая либо вообще изобретая новостное событие, слишком сенсационное для того, чтобы СМИ прошли мимо. Сообщая о подброшенной троллями истории (или, в зависимости от обстоятельств, «неистории»*), СМИ дают троллям то, чего они

* «Неистория» (*nonstory*) – на жаргоне журналистов история, не представляющая интереса, малозначительная. – *Прим. пер.*

хотят, а именно известность и лулзы, а медиа прямого участия получают то, чего они хотят, а именно историю и подписчиков, которых превратят в товар посредством рекламы. В итоге каждый лагерь приносит другому выгоду – об этом симбиозе я расскажу в последующих главах.

В истории с дженкем тролли действовали по двум направлениям. Первым делом они, чтобы придать своей истории легитимность, выбрали «наркотик», о котором упоминали на сайтах, индексирующихся поисковой системой «Гугл», отвечая таким образом критерию онлайновой верифицируемости. Даже если школьная администрация и полицейские поначалу были настроены недоверчиво, они могли легко и быстро получить в Интернете подтверждение, что африканский уличный наркотик под названием «дженкем» таки существует. Или по крайней мере убедиться, что о дженкеме как об африканском уличном наркотике писали аж *New York Times* и *BBC*. Во-вторых, скормив историю уважаемым членам общества, тролли соорудили второй уровень правдоподобия – несмотря на отсутствие веских доказательств того, что дженкем стал популярным наркотиком для американских подростков. Разве могли при таких обстоятельствах местные СМИ игнорировать жопный гашиш?

Учитывая придурковатый, скатологический душок истории с дженкемом, кто-то предпочитет отмахнуться от нее как от глупого розыгрыша и сочтет поведение участвовавших в ней троллей бессмысленным и инфантильным. Но такая позиция не позволит разглядеть тот факт, что тролли точно знали, как манипулировать новостным циклом, и «втихую» критиковали способы подачи новостей в СМИ. Многие издания так рвутся опубликовать самую свежую, самую дикую, самую сенсационную историю, что издатели часто не проводят даже поверхностного факт-чекинга – или, что еще хуже, проверив факты должным образом, все равно публикуют заведомую чепуху. Журналисты жестко обязаны соблюдать сроки сдачи материалов и к тому же работают под непрерывно

растущим давлением перенасыщенного СМИ рынка, стараясь сохранить свою аудиторию. То, как успешно тролли смогли манипулировать новостным циклом, красноречиво объясняет, почему наивно было предполагать, что СМИ могли или должны были забраковать историю с дженкемом как неуместную шутку.

Политическое значение троллинга?

Было бы ошибкой считать поведение троллей политически бесмысленным, но и стремление приписывать ему четкие политические цели – в случае с дженкемом и в целом – такая же ошибка. Прежде всего, поведение троллей слишком вариативно (даже когда речь идет о троллях из одной нападающей группы), чтобы можно было усмотреть в их действиях какую-то единую и единственную цель. Кроме того, утверждение, что тот или иной акт троллинга является безусловно политическим или даже политически мотивированным, подразумевает, что тролли добиваются политической дискуссии. Учитывая анонимность троллей, это предположение попросту не поддается проверке. Разумеется, это не означает, что конкретные случаи троллинга не могут быть политическими или что отдельные тролли не могут быть политически мотивированы. Это просто значит, что внешние наблюдатели не могут знать наверняка, так ли это.

Независимо от того, сознательно или нет тролли выступают с критикой политических или культурных явлений, такая критика может быть экстраполирована из поведения троллей. Возьмем историю с дженкемом. Хотели участвующие в ней тролли разоблачить невысокие стандарты журналистики или не хотели, невысокие стандарты журналистики были разоблачены. Аргументы были приведены, независимо от того, хотели тролли такого результата или нет. В последующих главах я буду исходить из этой идеи – поведение троллей представляет собой неявную, а порой и открытую критику существующих СМИ и культурных

систем. Пока достаточно будет сказать, что троллинг – нечто гораздо большее, чем просто дурацкие выходки, даже если поступки троллей усложняют (или даже прямо опровергают) традиционные понятия политической деятельности.

Способность троллей генерировать значимый дискурс не только ставит под сомнение крайне упрощенные объяснения феномена троллинга, но и дает упреждающий ответ на вопрос «Зачем изучать троллей?». Для начала разнообразнейшие прегрешения троллей – против отдельных лиц, организаций, местных властей, государственной власти и гражданского общества в целом – привлекают внимание к моральным нормам доминирующей культуры – и тут следует вспомнить работы антрополога Мэри Дуглас, изучавшей взаимосвязанные концепции грязи и табу. Согласно Дуглас, грязь следует понимать как отсутствие порядка, нечто не на своем месте, грязь воспринимается как грязь только в контексте существующих понятий о чистоте. «Всем известно, – пишет Дуглас, – что беспорядок не бывает абсолютным: он существует только в голове того, кто его видит». Невозможно говорить о грязи и даже представить ее себе, если вы уже не усвоили, что в вашей системе считается чистотой. Аналогично отклонение от культурной нормы воспринимается таковым только в контексте существующей общественной системы. Таким образом, изучив то, что в конкретных культуре или сообществе считается нарушением, мы можем реконструировать ценности, которые нарушаются сомнительными поступками¹². Поступки троллей, которые широко осуждаются как плохие, непристойные и далеко отклоняющиеся от нормы, позволяют реконструировать то, что доминирующая культура считает хорошим, пристойным и нормальным.

Разумеется, граница между «хорошим» и «плохим» (не говоря уже о «нормальном» и «ненормальном») на практике никогда не бывает простой и четкой, чему тролли служат ярким примером. Своим в высшей степени предосудительным поведением тролли привлекают внимание к многочисленным областям, где

перекрываются негативное и позитивное, преступное и приемлемое и даже жестокое и справедливое. Проще говоря, чем внимательнее изучать троллинг, тем труднее проводить грань между этим демонстративно уродливым, ненормальным занятием и занятиями, которые являются (или по крайней мере кажутся) такими естественными, нужными и абсолютно нормальными, что большинство людей полагают, что иначе и быть не может.

В своем исследовании я буду рассматривать эти моменты «перехода» и проверю на прочность четкое на первый взгляд различие между теми, кто троллит, и теми, кто не троллит. Мой первый тезис состоит в том, что в цифровом медиапространстве Америки XXI в. тролли выявляют тонкую и порой несуществующую границу между троллингом и работой ориентированных на сенсацию медиакорпораций. Основное различие между ними состоит в том, что для троллей социально-психологическое давление – это «прикол». Для принадлежащих корпорациям СМИ – это бизнес-стратегия. Поскольку троллям не нужно оглядываться на цензуру или рекламодателей, их действия часто носят более ярко выраженный оскорбительный и агрессивный характер. Но зачастую разница не так уж велика. И в отличие от СМИ, использующих сенсационный, расистский и агрессивный контент, тролли не получают денег.

Тролли комфортно себя чувствуют в современном гиперсетевом медиапространстве. Они не только используют интернет-технологии творчески и со знанием дела – их поведение часто прямо (как это ни странно) согласуется с маркетингом в социальных сетях и другими корпоративными интересами. Кроме того, они отлично ориентируются в потоках энергии, возникающих при столкновении политики, истории и цифровых медиа, и умеют использовать эти потоки в своих интересах. Короче говоря, вместо того чтобы служить негативным примером, тролли во многих отношениях выступают в качестве кривляющихся «мальчиков с обложки» для мира социальных сетей.

Это не единственная область, где троллинг и мейнстрим пересекаются. Тролли не только, как попугаи, повторяют клише цифровых и эфирных СМИ, но и гротескно копируют образы доминирующей культуры. Акт троллинга воспроизводит гендерно различающиеся понятия доминирования и успеха – наиболее явно выраженные в господствующей в западной философии риторической парадигме состязательного метода¹³ – и демонстрирует бездонное чувство уверенности в своих правах, которое подстегивается идеями экспансионизма и колониализма. Кроме того, троллинг воплощает именно те ценности, которые, как принято считать, сделали Америку величайшей и самой могущественной страной в мире, с особым упором на право на «жизнь, свободу и стремление к счастью» и, разумеется, на свободу слова.

Опять-таки я не говорю, что тролли осознанно выдвигают такой аргумент, и не говорю, что они согласились бы с моими выводами. В своих рассуждениях я опираюсь не на «истинные» мотивы троллей или, что было бы еще проблематичнее, на их одобрение моих рассуждений, – я опираюсь на информацию, которую можно извлечь из их поведения. И эта информация позволяет поместить троллей в неожиданную компанию мифологических героев.

Тролли как трикстеры

В книге «Трикстер творит этот мир. Как разрушительное воображение создает культуру»¹⁴ Льюис Хайд рассматривает архетип трикстера, уделяя особое внимание историям Гермеса, Койота и Кришны. Нарушитель границ, трикстер является одновременно и культурным героем, и культурным злодеем. Он – а трикстер почти всегда мужчина – лжет, чтобы сохранить истину. Он аморален, импульсивен и бесстыж; он раб своих желаний и неистово потакает своим прихотям. Его влечет грязь как в переносном, так и в буквальном смыслах. Он ничего и никого не боится. Он креативен, лукав и проказлив. Трикстер также обладает уникальной

способностью «видеть в сердце вещей», что делает его в какой-то мере пророком. Но не пророком в традиционном смысле, поскольку трикстер тратит очень мало времени на рефлексию и почти никогда не высказывает своего мнения. И, тем не менее, трикстер *разоблачает*¹⁵.

В качестве доказательства латентной (если не невольной) проницательности трикстера Хайд приводит пример с индийском богом Кришной. Проказливый юный бог легко вспыхивает страстью к деревенским девушкам. Однажды ночью он идет в лес и начинает играть на волшебной флейте. Все женщины в округе, числом 16 000, заслышав флейту Кришны, как зачарованные идут в лес и начинают танцевать. Тут Кришна превращается в 16 000 Кришн и занимается любовью одновременно со всеми женщинами. Воспользовавшись зачарованным состоянием своей легкой добычи (сексуальная агрессия, по всей видимости, является обычным делом для культурного героя), с восходом солнца Кришна исчезает¹⁶.

Согласно Хайду, этот эпизод передает «элемент отрицания», присущий поведению трикстера. Он отрицает правила приличия, но не пытается заменить их какими-либо другими правилами. Как утверждает Хайд, «[трикстер] не рупор, декларирующий пророчество в традиционном смысле слова, но ангел разрушения, который упраздняет то, что люди с таким тщанием построили, а потом упраздняется сам»¹⁷.

Таким образом, поведение трикстера по определению многозначно — он не говорит аудитории, как толковать его поступки. Он действует, он уходит, и все — хоп, пусто! Внезапно аудитории приходится самой разбираться, что сейчас произошло, и люди остаются «бесконечно толковать свое понимание того, “что это вот сейчас такое было”»¹⁸.

Как отметила Габриэлла Коулмэн, между поведением троллей и мифических трикстеров есть весьма заметное сходство¹⁹. Разумеется, это не значит, что тролли — трикстеры. Нет, по крайней мере не в мифологическом, культурно-геройском смысле.

Первое и самое очевидное: трикстер – это персонаж, созданный людьми для объяснения и упорядочивания Вселенной, тогда как тролли слишком уж реальные, может быть скрытые за маской, но, тем не менее, люди. Кроме того, каким бы грубым или аморальным ни казался трикстер, такой жанр, как трикстерские или плутовские истории, предполагает моральный порядок, делая трикстера пешкой в очень специфичном культурном этосе. Тролли же активно аморальны, являются или по крайней мере претендуют на то, что являются, пешками в собственной игре и играют исключительно ради собственного удовольствия.

Но, если не обращать внимания на эти практические различия, тролли используют те же средства, что трикстер, и приходят к аналогичным результатам. В частности, тролли – это *культурафаги*, падальщики, они рыщут по информационным окрестностям в поисках отходов контента, которые можно использовать, жадно поглощают самые пахучие кусочки и извергают переваренное на ничего не подозревающую публику – после чего исчезают с ухмылкой Чeshireского Кота, тянувшейся за ними как клуб дыма. Вольно или невольно, осознанно или нет, но тролли своими гротескными действиями рассказывают очень многое об окружающем культурном ландшафте. То, что они обнажают, не всегда приятно. Строго говоря, это весьма печально. То, что открывают тролли, огорчает нас, и порой причиной тому поведение троллей, порой – то, что они обнажают, а иногда то и другое одновременно.

Главный вывод из этого анализа таков: хотя поведение троллей может находиться в самом конце культурного спектра, самое необычное в троллинге – то, что он *не так уж необычен*. Он состоит из того же, из чего «мейнстримное» поведение; разница в том, что троллинг порицается, в то время как «нормальное» поведение принимается как данность, если не активно приветствуется.

Мысль о том, что троллинг сходен по форме и функциям с «нормальным» поведением, вряд ли покажется очевидной или будет пользоваться популярностью. Гораздо популярнее и гораздо

очевиднее утверждение, что тролли виной тому, что в Интернете у нас не может быть ничего хорошего – отсылка к известному имидж-макросу с изображением шипящего серого кота. Имидж-макрос, также известный как просто макрос, макро, – это изображение с подписью. Обычно одна строка текста помещается поверх картинки, вторая – внизу, хотя формат может меняться в зависимости от изображения и месседжа макроса (рис. 1).

«Вот почему у нас не может быть ничего хорошего»

Рис. 1. Аргукот появился на /b/-борде «Форчана» в июле 2008 г.

Повторный доступ для загрузки — 27 февраля 2012 г. Треды с тех пор удалены. Автор(ы) и дата (даты) создания неизвестны

Аналогия между Аргукотом, под таким названием известен этот макрос, и троллингом уместна. Как домашний кот с дурным характером, чей единственный интерес в жизни, похоже, – это

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

драть мебель и гадить в тапки, тролли получают извращенное удовольствие, портя настроение посторонним людям. Тролли сделяют и скажут что угодно, лишь бы добиться этой цели, и ради этого сознательно выбирают для троллинга наиболее уязвимые мишени, или, как сказали бы тролли, «годные темы». Понятно, почему троллей многие считают главным препятствием на пути к более добруму, более мягкому и более справедливому Интернету.

Надеюсь, эта книга позволит критически пересмотреть мнение о том, что тролли, и только тролли, являются причиной отсутствия чего-либо «хорошего» в Интернете. Я утверждаю, что тролли порождены доминирующими культурными институтами и образами, плотно встроены в них, и эти институты и образы столь же разрушительны, как самое деструктивное поведение троллей. В конечном счете именно это причина того, что у нас не может быть ничего хорошего, и об этом говорит название книги*: онлайновый троллинг – естественное явление мейнстримной культуры.

Обзор глав

Книга «Трололо. Нельзя просто так взять и выпустить книгу про троллинг» состоит из трех частей и построена в свободном хронологическом порядке.

Часть I, в которой обозревается история возникновения субкультуры в период 2003–2007 гг., дает общее представление о мире троллей и знакомит читателя с основными темами и концепциями. В главе 1 приводится исторический обзор термина «тролль», а также описание медленного и неравномерного процесса превращения троллей в субкультуру. Глава 2 дает рабочее определение лулзов, которые, вероятно, представляют собой самую важную концепцию в субкультурном пространстве троллей. В главе 3

* Напомним, оригинальное название книги – This Is Why We Can't Have Nice Things («Вот почему у нас не может быть ничего хорошего»). – Прим. ред.

обсуждаются мои методы исследования и различные методологические сложности.

Часть II посвящена «золотым годам» – периоду с 2008 по 2011 г., когда выкристаллизовалась субкультура троллинга, – и исследует гротескное пародирование троллями мейнстримного поведения и установок. В главе 4 основное внимание уделяется форчановской /b/-борде и хронике появления Анонимуса, весьма туманного объединения троллей, которое в последующем превратилось в группировку хакеров-активистов (хактивистов). В этой главе также прослеживается, как первоначальное медийное освещение троллинга на /b/-борде и последовавшая реакция на него способствовали созданию и укреплению все более влиятельной субкультуры. Глава 5, посвященная этнографическому исследованию троллей, специализирующихся на памятных страницах «Фейсбука» (RIP-троллей), рассматривает риторическое и поведенческое сходство между действиями троллей и ориентированным на сенсацию освещением трагедий в СМИ. В главе 6 на основе подробного анализа президентских выборов 2008 г. и споров по поводу появившегося в 2009 г. плаката с изображением Обамы в образе Джокера и надписью «социализм» показывается сходство беззастенчивого расистского юмора троллей и «легитимных» разлагольствований экспертов из массмедиа. Наряду с признанием, что расистские выходки троллей, безусловно, представляют собой острую проблему, в главе доказывается, что опирающийся на поддержку медиакорпораций расизм ничуть не лучше, если не хуже. Основываясь на трех предыдущих главах, глава 7 исследует логику культуры большего масштаба, из которой возникает троллинг, и делает вывод, что, какова бы ни была реакция на распространение троллинга (тревога, озабоченность, досада, отвращение), удивляться тут нечему.

В заключительной части III, охватывающей переходный период 2012–2015 гг., дается анализ изменений, которые претерпела субкультура троллей с момента объединения в начале и середине

2000-х. В главе 8 обсуждаются политические, экономические и культурные факторы, определившие недавние изменения в мире троллей, а также приводятся убедительные примеры способности троллей переваривать мейнстримную культуру. В главе 9 рассматриваются следствия расширенной трактовки феномена троллей, оцениваются (потенциально) позитивные прикладные возможности риторики троллинга и еще раз напоминается, как важно не забывать о том, что представляют собой тролли и почему их нельзя недооценивать.

Все главы, вместе взятые, подвергают сомнению утверждение о наличии принципиальной разницы между троллингом и мейнстримной культурой – аргумент, в равной мере осуждающий и доминирующие институты, и орудующих в них троллей. Другими словами, эта книга – не только о троллях. Она еще и о культуре, в которой они процветают.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Часть I

**ИСТОКИ
СУБКУЛЬТУРЫ
ТРОЛЛЕЙ, 2003–2007 гг.**

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

Как я поняла из того первого разговора с братом и его друзьями, обманчивый мир троллей не дает представления ни о своих размерах, ни о частоте поступления, освоения и изменения нового контента несметным числом анонимных участников. Чем больше я углублялась в исследование, тем шире и причудливее казался этот мир, и поначалу я думала, что мне никогда не хватит знаний, чтобы составить отчетливое представление о предмете, не то что написать целую книгу.

Со временем мои знания о границах мира троллей и об их порядках росли, что, с одной стороны, помогало в работе, а с другой, приводило к неожиданным и порой раздражающим последствиям. Зная уже достаточно много о предмете исследования, я часто совершила ошибку, полагая, что людям, далеким от этой темы, будут понятны упоминания, скажем, Педобира, дженкема, лулзов и вообще троллинга. Более того, поскольку я была аспирантом на кафедре английского языка и изучала фольклор, многие полагали (и трудно их в этом винить), что я говорю о сказочных зеленых и бородавчатых троллях, тех, что живут под мостом. В итоге на семинарах и научных конференциях я раз за разом обнаруживала, что веду абсурдные, монтипайтоновского толка диалоги с коллегами. Нередко они заканчивались недоуменным: «Постойте, так вы говорите о троллях в Интернете?»

Вот почему так важно в самом начале дать точные объяснения с приведением истории, определения (определений), субкультурных коннотаций и политических мотивов троллинга, включая бесчисленное множество способов, с помощью которых аморальные трикстеры, для которых нет ничего святого, реализуют свое желание плескаться в грязи. Определившись с базовыми лингвистическими и поведенческими «кирпичиками», читатели смогут познакомиться с отличительными особенностями пространства троллей и лишь тогда перейти к более сложному культурному анализу.

1. ОПРЕДЕЛЯЕМ ТЕРМИНЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СУБКУЛЬТУРЫ ТРОЛЛЕЙ

Первая и самая важная отправная точка этого исследования – это сам термин «тролль», и эта глава посвящена истории и эволюции троллинга в виртуальных сообществах. Помимо описания процесса трансформации этого термина из обвинения (как вы назвали другого человека) в самоидентификацию (как вы назвали себя), я даю рабочее определение субкультурного троллинга, как его понимают сами субкультурные тролли. Глава завершается описанием изначальной асимметрии троллинга, что дает возможность предсказать множество политических и этических проблем (вопросов), неизбежно порождаемых троллингом.

История троллинга

Единого мнения об этимологии онлайнового термина «троллинг» не существует. В зависимости от того, кого вы спрашиваете, термин будут связывать либо со скандинавской мифологией, либо с рыбалкой (*trolling* означает ловлю рыбы с движущейся лодки, обычно на блесну). Если для вашего собеседника троллинг – низкое, оскорбительное занятие, он, скорее всего, возведет слово «тролль» к грязным, злобным и уродливым созданиям. Если же

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

у него нет четко сложившегося отношения к троллингу или даже он симпатизирует ему, то, весьма вероятно, свяжет происхождение этого слова с нейтрально окрашенным рыболовным термином.

«Оксфордский словарь английского языка» датирует первое упоминание троллинга в интернет-контексте 1992 г. и приводит обе версии – мифологическую и рыболовную. Первая упоминается как вероятная, но при этом в словаре цитируется статья из газеты *Toronto Star*, опубликованная в 1995 г.: «Посты, написанные для того, чтобы спровоцировать яростный спор (fish for flames)»²⁰.

Интересно, что, судя по приведенным в словаре примерам, в 1992 и 1995 гг. слово «тролль» уже было в ходу. Это наводит на мысль о существовании лингвистического и поведенческого базиса уже тогда. Действительно, к 1996 г. тролли были настолько распространены в Usenet, всемирной распределенной системе дискуссионных досок (борд), созданной в 1980 г. и ставшей предшественником современных онлайновых форумов, что Мишель Теппер посвятила их выходкам (как правило, умению ляпнуть заведомую глупость типа «Аль Капоне был артистом и играл во многих комедиях с Эбботом и Костелло») целую статью. По ее словам, целью «так называемых троллеров» было спровоцировать участников дискуссии на «возмущенную поправку»²¹.

С момента оформления троллинга в заметное явление он расценивался как одна из главных, если не самая главная, помех при формировании виртуального сообщества. Основы изучения этого явления заложила фундаментальная работа Джудит Донат, специалиста по Интернету и медиа (1998), которая исследовала «подделку личности» в сети Usenet. В ней Донат характеризует троллинг как вредоносную и умышленно разрушительную ложь. Как утверждает Донат, существование троллей – и даже сама возможность их существования – заставляет членов сообщества резко снизить доверие к чужакам и терпимость к тем, кто еще не усвоил законы сообщества. Короче говоря, тролли стимулируют

развитие паранойи, а паранойя омрачает атмосферу жаждущего самовыражения онлайнового сообщества²².

Разделяя озабоченность Донат, углубивший данное исследование специалист по Интернету Линкольн Далберг в 2001 г. утверждал, что самая серьезная проблема троллинга связана с выдачей себя за другого – имперсонацией. Однако его беспокоит не только кража личности. Независимо от того, выдает тролль себя за реального человека или надевает маску вымышленного, он подрывает целостность сообщества, одурачивая всех его участников. Поэтому необходимо как можно быстрее выявлять троллей и избавляться от них²³.

С учетом обсуждения «грязи» как «беспорядка» во введении к этой книге можно сказать, что первоначально интернет-тролли воспринимались как цифровой «беспорядок». С одной стороны, они разрушали утопическую мечту о киберпространстве, а с другой, их выходки свидетельствовали о нарушении определенных общественных законов, ведь «истинные» личности не обманывают, любая форма обмана подрывает основы сообщества, а подлинное общение, естественно и безусловно, предполагается фальшивому. У первых исследователей Интернета в пору, когда они только начали задавать вопросы о способах выражения онлайновой личности и об угрозах, с которыми эта личность сталкивается, тролли вызывали реальную озабоченность – такую подмену необходимо рассматривать в контексте ранней теории цифрового пространства.

В более позднем исследовании группы rec.equestrian на Usenet лингвист Клэр Хардакер, изучив посты, написанные за девять лет, обнаружила, что в 2000 из них упоминается термин «тролль». Определение тролля, которое дает Хардакер (человек, «в истинные намерения которого входит инициировать раскол и (или) обострить конфликт ради собственного развлечения»²⁴), учитывает точку зрения троллей, и в ее работе даже критикуются вышеупомянутые исследования за то, что они этого не делают. Однако в итоге